

21.05.24

КИТАЙ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ: ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА

Нынешний этап эскалации на Ближнем Востоке многие эксперты стали называть испытанием на влияние для Китая. Так, СМИ неоднократно писали, что США просили Китай оказать давление на Иран в ходе последних раундов эскалации, в том числе после удара Израиля по иранскому консульству в Дамаске. Тем не менее в сравнении с катарским, египетским или даже американским китайское влияние слабо проявляется в нынешнем конфликте. Пекин по-прежнему не стремится глубоко втягиваться во внутрирегиональную политику на Ближнем Востоке, поскольку это может нанести ущерб его основным интересам, которые по-прежнему сконцентрированы в сфере торгово-экономического сотрудничества, и создать новые точки напряженности в отношениях с США.

Как ключевой торговый партнер стран Персидского залива Китай **нарастил** импорт нефти более чем вдвое за 2010–2020 гг. — Саудовская Аравия, Ирак, Оман, Кувейт и ОАЭ выступают основными поставщиками нефти в Поднебесную. Китайские компании расширяют свое присутствие в инфраструктурных и технологических проектах региона. Китайские банки **предоставляют** средства на ряд крупных проектов, в том числе на строительство Новой административной столицы Египта, а китайские строительные компании занимались строительством первой железной дороги в ОАЭ. В 2021 г. инвестиции Китая в инфраструктуру в рамках инициативы «Один пояс, один путь» **увеличились** на 360%, а участие в строительных проектах — на 116%.

В 2016 г. правительство Китая **выпустило** Стратегию в отношении арабских стран (*China's Arab Policy Paper*). В документе подробно описаны интересы Китая в регионе, включая энергетику, торгово-экономические вопросы и безопасность. Последний аспект во многом остается привязанным к первым двум. Основание в 2016 г. военно-морской базы в Джибути было обусловлено экономическими и энергетическими интересами КНР, а его целью была охрана торговых путей из Азии в Европу, проходящих через Баб-эль-Мандебский пролив. Тем не менее КНР не торопится брать на себя обязательства по обеспечению общей внутрирегиональной стабильности. Изучив опыт присутствия других великих держав на Ближнем Востоке, Пекин отметил, что регион со временем становится для него значительной проблемой. Видя, как США не смогли справиться с многочисленными региональными вызовами, в Пекине долгое время стремились не ввязываться во внутрирегиональные конфликты, которые могли бы подорвать его нейтральную позицию и нанести ущерб экономическим интересам.

Тем не менее, как показал 2023 г., логика внешней политики КНР неминуемо втягивает его в политическую ситуацию на Ближнем Востоке, и его участие в саудовско-иранской нормализации лишь подчеркнуло это. И здесь прослеживается

связь как раз с долгосрочными экономическими интересами. На фоне обострения конкуренции с США и роста глобальной нестабильности Пекин решил действовать проактивно с целью снижения рисков для своей экономики и энергетики. Создаваемая США на базе Соглашений Авраама совместная арабо-израильская система ПВО-ПРО **призвана** сдерживать иранскую угрозу. Таким образом, в основе американского проекта лежала конфронтационная идея, направленная против ключевого игрока в регионе, что увеличивало риски эскалации. Это создавало угрозу стабильности энергопоставок в Китай, а также угрожало логистическим проектам КНР. Как представляется, нормализация саудовско-иранских отношений позволила значительно затормозить прогресс в создании арабо-израильского альянса под эгидой США и в некотором смысле стала сдерживающим фактором в трансформации нынешнего кризиса в Газе в общерегиональную эскалацию.

Однако посредничество между Саудовской Аравией и Ираном стало новым ударом по американо-китайским отношениям. Оно рассматривается США в контексте общей глобальной конкуренции, в Вашингтоне с тревогой восприняли посредничество КНР между Ираном и КСА. Некоторые эксперты даже **назвали** сотрудничество Эр-Рияда с Пекином «плевком в лицо США».

Подобную реакцию в Пекине, скорее всего, ожидали и считали закономерной. В своем докладе на XX съезде КПК в октябре 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин **подчеркнул** необходимость управления рисками во внешней политике. По его мнению, новый период развития Китая связан с «сочетанием стратегических возможностей рисков и вызовов при росте неопределённых и трудно предсказуемых факторов». Китайский лидер призвал готовиться не к «непогоде», а к «шторму». Для этого риски для экономики КНР, источник которых находится на Ближнем Востоке, следовало минимизировать.

Позиция стран Залива в отношении Китая

Арабские монархии Залива во все большей степени оказываются заложниками американо-китайской конкуренции. При этом каждая из стран по-своему выстраивает партнерство. Как **указывает** французский исследователь Жан-Люп Самаан, по уровню отношений с КНР страны Залива можно условно разделить на три категории – критерием выступает уровень стратегических (т.е. военных, инфраструктурных) связей с Китаем. Так, он выделяет «игроков, склонных к риску» (*gamblers*) – сюда входят Саудовская Аравия и ОАЭ; «неопределившихся» (*fence-sitters*) – Катар, Оман; и «осторожных консерваторов» (*cautious conservatives*) – Кувейт и Бахрейн.

Первые открыто развивают отношения с Китаем в стратегически важных сферах. Саудовская Аравия и ОАЭ были особенно обеспокоены планами США сократить свое присутствие в регионе, что побудило их «открыто подстраховаться на случай ухода США из региона». Они не только активно развивали торговлю с Китаем, но и стали закупать китайские вооружения. Обе страны открыто критиковали США за отдельные аспекты их региональной политики и выражали разочарование тенденциями в процессе развития двусторонних отношений. Так, например, в июне 2023 г. ОАЭ **объявили** о выходе из возглавляемых США Объединенных морских сил по обеспечению безопасности в Персидском заливе.

Во вторую категорию входят Катар и Оман. От первой группы они отличаются тем, что

проявляют гораздо больше осторожности в развитии отношений с Китаем. Обе страны привлекали китайские инвестиции в портовую инфраструктуру и телекоммуникации, но старались не привлекать большое внимание к этим фактам. В сфере безопасности они стремились укрепить партнерство с Вашингтоном. В 2022 г. Катар был признан главным союзником США вне НАТО, а сегодня выступает основным посредником между ХАМАС и Израилем, тем самым продвигая во многом американские интересы. Оман в 2019 г. подписал новое стратегическое рамочное соглашение с США, в рамках которого американским военным был предоставлен доступ к объектам порта Дукм – объекта крупнейших китайских инвестиций в стране.

Третья группа стран, представленная Бахрейном и Кувейтом, практически не имеет стратегических связей с Китаем. Хотя Кувейт присоединился к инициативе «Один пояс, один путь» и рассчитывает на китайские инвестиции в проект «Шелкового города», он не стремится развивать военное сотрудничество с Пекином. То же касается и Бахрейна.

КНР и США на Ближнем Востоке

Активное развитие странами Залива связей с КНР вызывает значительное беспокойство США. Особенно когда речь идет об ОАЭ и Саудовской Аравии. Лидерам этих стран приходится держать в уме реакцию США каждый раз, когда они намереваются развивать совместные проекты с Китаем, что ярко проявилось, например, в вопросе о вступлении КСА в БРИКС. Как указывают китайские специалисты, страны региона все больше втягиваются в глобальную американско-китайскую **игру с нулевой суммой**. Как недавно **выразилась** министр торговли США Джина Раймондо, «когда дело доходит до новых технологий, вы не можете быть как в китайском лагере, так и в нашем».

Данная тенденция особенно ярко проявляется в сфере 1) вооружений; 2) передовых технологий; 3) атомной энергетики.

В сфере вооружений американско-китайская конкуренция за страны Залива проявляется наиболее отчетливо. Так, в 2023 г. США отменили поставки ОАЭ истребителей F-35 в ответ на закупку Эмиратами телекоммуникационного оборудования китайской «Huawei». ОАЭ же стали опасаться зависимости от американских поставщиков и начали выстраивать сотрудничество с китайскими производителями. В марте 2023 г. ВВС ОАЭ подписали с Китайской авиастроительной промышленной корпорацией контракт на покупку 12 учебно-боевых самолетов L-15AW, а в августе провели совместные учения с ВВС КНР. Однако как жест доброй воли США **отправили** на учения ОАЭ свои достаточно старые истребители французского производства *Mirage*, а не более современные американские F-16.

Сфера передовых технологий также стала полем острой борьбы американских и китайских компаний. В ответ на тесное сотрудничество ключевой эмиратской технологической компании «G42» с китайским технологическим сектором США **ограничили** ее доступ к видеокартам американских «Nvidia» и «AMD», которые используются для обработки больших массивов данных, необходимых для развития ИИ. Учитывая амбиции G42 по развитию технологий ИИ и создания суперкомпьютеров, подобные ограничения оказались критическими. В итоге правительство США предложило альтернативу в виде партнерства с американскими

компаниями. G42 вынуждена была **согласиться**, продать китайские активы и подписать соглашения с американской «Microsoft». Последняя объявила об инвестициях на 1,5 млрд долл. в технологии ИИ G42, а директор ее дочерней компании «OpenAI» Сэм Альтман **заявил** о планах превратить ОАЭ в «испытательный полигон» для технологий ИИ. Таким образом, КНР потеряла важного технологического партнера на Ближнем Востоке и теперь, вероятно, столкнется с попытками США ограничить технологическое сотрудничество Пекина с Эр-Риядом.

Ядерные технологии также стали ареной американо-китайской конкуренции. В этой сфере исход противостояния пока не решен во многом из-за кризиса в Газе. Предоставление саудовцам американских ядерных технологий должно было стать частью т.н. «большой сделки», в рамках которой КСА установило бы дипломатические отношения с Израилем и получило бы от Вашингтона доступ к новейшим военным технологиям, в том числе истребителям F-35. При этом известно, что китайская CNNC также участвует в тендере на строительство первой АЭС в КСА, и летом 2023 г. в ответ на медленный прогресс на переговорах с США Эр-Рияд почти открыто **шантажировал** Вашингтон планами отдать проект Китаю.

Усиление экономического влияния КНР в странах Залива сталкивается с жесткой реакцией США, особенно в стратегически важных сферах. Долгое время Китая даже не стремился принимать участие во внутрирегиональной политике, однако общая логика глобальной конфронтации с Вашингтоном толкает его к более активной вовлеченности в ближневосточные дела. Это продемонстрировал кейс с саудовско-иранским примирением, важную роль в котором сыграл Пекин.

Некоторые китайские эксперты полагают, что со временем уровень участия КНР в ближневосточных вопросах будет расти. В определенный момент в целях защиты энергетических и торговых интересов может даже потребоваться установить военное присутствие на Ближнем Востоке [1]. Учитывая, насколько острой была конкуренция в ходе рассмотренных выше кейсов, страны Залива могут превратиться не в «испытательный полигон» ИИ, а в арену американо-китайской борьбы. И хотя КНР стремится избежать этого, логика развития отношений США ведет к развитию подобного сценария.

Впервые опубликовано Российским Советом по международным делам: Адрианов А. Китай в Персидском заливе: хотел как лучше, а получилось как всегда. РСМД. 21.05.24. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kitay-v-persidskom-zalive-khotel-kak-luchshe-a-poluchilos-kak-vsegda/>

Источник: **Китай в Персидском заливе: хотел как лучше, а получилось как всегда**

ОБ АВТОРЕ

Артем Адрианов

Исследователь ИМИ МГИМО

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, Северная Африка

Область экспертизы: Специалист по арабским государствам Персидского залива.

Профессиональный опыт: Выпускник МГИМО МИД России (программа «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов»).

